

В Диссертационный совет Д. 909.017.03,
созданный на базе ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный
университет им. И. Канта, ФГБОУ ВО «Российский
государственный педагогический университет им. А.И.
Герцена», ФГБОУ ВО «Тульский гос. университет»
236006, г. Калининград, ул. Фрунзе, 6

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ

Гуринской Анны Леонидовны на тему «Англо-американская модель предупреждения преступности», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Диссертационное исследование А. Л. Гуринской представляет собой научно-квалификационную работу, которая содержит в себе результаты оригинального авторского исследования наиболее актуальных социально-правовых и криминологических проблем предупреждения преступности. Они нашли свое выражение в создании принципиально новой, глубоко систематизированной теоретической концепции, где на основе всестороннего анализа опыта англо-американской модели предупреждения преступности указаны конкретные направления и формы внедрения наиболее позитивных сторон и компонентов превентивной стратегии в отечественную уголовную политику, правовую и криминологическую науку, в законотворческую деятельность и правоприменительную практику.

Актуальность диссертации определяется комплексом значимых факторов социального, политического, правового и криминологического плана, а также выбором темы, обращением соискателя к актуальной и сложной проблематике, до сих пор не получившей сколь либо достаточного освещения в отечественной правовой и криминологической литературе, и, конечно, полученными результатами исследования. Это исследование приобретает особую актуальность и значимость на фоне тех первых и довольно скромных шагов, которые делает российская правовая и криминологическая наука в сфере компаративного анализа зарубежного

опыта противодействия преступности. Между тем именно такие исследования должны занимать все более заметное место в современном криминологическом дискурсе и привносить значительный массив новой и полезной информации. Её осмысление помогает исследовать возможности и перспективы адаптации зарубежного опыта к отечественным реалиям, повышает роль и привлекательность изучения механизмов реализации наиболее перспективных концепций и наиболее эффективных путей развития уголовной политики в целях дальнейшего совершенствования национальной системы противодействия преступности, законодательства и правопримени- тельной практики. Вот почему так остро стоит вопрос, так быстро растет востребованность компаративистики, наиболее ощутимо расширяющей границы отраслевого знания. До последнего времени такого рода работы в основном давали лишь мозаичную информацию, хотя, как заметил А. Э. Жалинский, суммарно они существенно обогащают тезаурус науки, влияют на развитие отечественной криминологической мысли и сказываются (точнее, должны сказываться) на процессе правотворчества.

На этом фоне актуальное исследование А.Л. Гуринской приобретает особое значение; автор долгие годы целенаправленно и вплотную занимается изучением англо-американского опыта, причем не дистанционно, не на основе временами доходящей до нас обрывочной информации, а при глубоком погружении в суть происходящего, долгое время работая непосредственно в США, вбирая в себя и анализируя такие пласти фактологии предметы, которые возможны лишь при длительном нахождении внутри зарубежного научного сообщества и повседневном наблюдении за «поворотами» англо-американской политики, которые она так обстоятельно препарирует, и так точно и сочно интерпретирует. Вот почему по своему содержанию, методологической оснащенности и глубине анализа работа автора не только восполняет существенные пробелы в отечественной компаративистике, но и выходит за пределы того уровня привносимого знания, которые установлены в действующих квалификационных нормах.

Повышению актуальности, научной значимости и востребованности работы придают и те подходы и характеристики, в рамках которых идет четкое формулирование предмета, объекта, целей, задач и перспектив исследования. Все это вместе с созданием венчающей работу оригинальной авторской концепцией позволяет говорить о том, что А.Л. Гуринской по праву принадлежат лидирующие позиции в современной российской сравнительной криминологии.

Научная новизна диссертации прежде всего состоит в том, что впервые в отечественной криминологической науке на основе метода моделирования проведено комплексное сравнительное исследование основных закономерностей становления и развития англо-американской модели предупреждения преступности. В ходе и в результате этого исследования автором выявлены основные характеристики и сформулированы фундаментальные основания указанной модели; выполнен анализ теоретических положений классической школы криминологии, утилитаристской политической философии, а также англо-американской криминологической школы, обосновывающих место и роль различных механизмов в общей системе предупредительных мер (в т.ч., наказания, превентивных принудительных мер, ситуационного подхода к предупреждению преступности).

Кроме того, автором выявлены место и роль американской криминологии в системе противодействия преступности, её реальное и потенциальное влияние на развитие мировой криминологической мысли, в том числе, на российскую теорию и практику предупреждения преступности. По сути дела, впервые в отечественной научной литературе в основу исследования были положены именно те аспекты предупредительной деятельности, которые служат основной формой обеспечения безопасности и снижения уровня рисков, важнейшие вопросы деятельности, связанной с управлением сетевыми структурами, создаваемыми для обеспечения безопасности и профилактики преступлений.

В научный оборот введены новые концептуальные положения англо-американской криминологической школы, результаты выполненных автором разноплановых эмпирических исследований, огромный теоретический и фактологический материал, отражающий состояние и особенности судебной и полицейской практики правоприменения, большой массив статистической информации, анализ которой привлечет внимание российских криминологов, благо, это позволяют сделать давно и глубоко разработанные в России методология и понятийный аппарат такого рода исследований. И, главное, автором разработаны и сформулированы научно обоснованные выводы и рекомендации по совершенствованию профилактической деятельности, выявлены основные направления использования позитивного зарубежного опыта предупреждения преступности в отечественной законотворческой и правоприменительной практике, а также в дальнейшем развитии российской криминологической науки.

Среди многих положений и выводов автора, подчеркивающих научную новизну работы, мне хотелось бы особенно выделить те, которые связаны с оценкой англо-американской практики применения превентивных мер в контексте проблемы «сверхкriminalизации». Ибо эти положения на самом деле значительно ближе к российской ситуации, чем это может показаться на первый взгляд. В этом разделе работы (параграф 2 гл.4) автор убедительно показывает, что в конечном итоге, оценка всего того, что связано с уголовно-правовой политикой противодействия и предупреждения преступности, концентрируется в противостоянии двух теоретических подходов – ретрибутивистского и утилитаристского. Сторонники первого подхода настаивают на недопустимости исключительно превентивной направленности уголовного закона, а практики используют утилитаристскую теорию для того, чтобы обосновать превентивные нововведения. Консеквенциализм способен оправдать любые законодательные меры, если они направлены на достижение большего блага для большего числа людей. Кто прав и каким может быть исход этой дискуссии? По мнению автора, и это крайне важное заключение, в условиях, когда безопасность воспринимается обществом как безусловная ценность, именно утилитаристский подход имеет большие шансы на успех (стр.262-264).

Важнейшими составляющими научной новизны работы А.Л. Гуринской явились четко сформулированные и успешно решенные автором задачи по:

- определению места проблем предупреждения преступности в США и Великобритании в рамках предметной области сравнительных криминологических исследований (стр. 21-43);
- выявлению особенностей теоретических подходов и переосмыслению понятий, форм и видов предупреждению преступности в отечественной и англо-американской криминологии (стр.45-65);
- исследованию специфики становления, развития и содержательных характеристик англо-американской модели и основанных на ней стратегий предупреждения преступности, по выявлению фундаментальных оснований и особенностей этой модели (стр.66-89);
- анализу научной и практической значимости проблематики безопасности и снижения рисков для развития англо-американской модели предупреждения преступности (стр.95-113);

- по исследованию риск-ориентированного подхода к предупреждению преступности, выявлению его специфики и основных характеристик (стр.114-129);
- анализу специфики сетевых подходов к организации безопасности (стр.148-171);
- оценке ретрибутивистской критики превентивных целей наказания (стр.198-217);
- изучению основных этапов трансформации целей наказания, перехода от реабилитации к селективной изоляции, ее принципов и оценке феномена массового тюремного заключения (стр.218-262);
- анализу и выявлению практической значимости теории рационального выбора и теории сдерживания для развития криминологической науки и практики предупреждения преступности (стр.349-406);
- определению возможности и перспективных направлений использования англо-американской модели предупреждения преступности в российском законодательстве и в правоприменительной практике (стр.83-84; 263-264; 269-273; 434-437).

Подводя итог, следует признать, что в диссертационном исследовании А.Л. Гуринской разработана оригинальная и целостная теоретическая концепция, основанная на критическом анализе эволюции зарубежных теорий, глубоком правовом и криминологическом анализе сути и специфики англо-американской модели предупреждения преступности, а также перспектив и конкретных направлений использования зарубежного опыта в российской криминологии, в правотворческой и правоприменительной деятельности. Все это позволяет констатировать наличие в работе **решения крупной научной проблемы**, результаты которого значительно обогащают российскую криминологическую науку и способствуют совершенствованию правотворчества и правоприменительной деятельности.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, и их достоверность определяются качеством и объемом источников информации, огромным массивом научных литературных источников, статистической информации, связанной с реализацией англо-американской модели предупреждения преступности в законотворческой, полицейской, судебной и пенитенциарной практике; достоверность выводов и рекомендаций автора подтверждается

результатами комплекса выполненных им исследований с использованием практически всего набора современных методов научного анализа (документального, логического, научеведческого, сравнительного, статистического и др.) при строгом соблюдении методологических и методических принципов анализа, требований к сбору и обработке информации, а также при высоком уровне репрезентативности эмпирической базы исследования.

Значимость полученных автором результатов для развития юридической науки состоит в том, что представляя собой новое для российского криминологии систематизированное учение об эволюции, сущности и направленности уголовной политики, основанной на англо-американской модели предупреждения преступности, это исследование дает развернутое представление о ее научном фундаменте, о тех теоретических концепциях и идеях, сформированных в рамках зарубежных криминологических школ и течений, которые легли в основу создания и практической реализации этой модели.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно дает широкомасштабную информационную, диагностическую и прогностическую картину, отражающую содержание, направленность и парадигмы англо-американской стратегии предупреждения преступности. В конечном итоге, она состоит в том, что результаты проведенного исследования могут быть использованы для дальнейшего совершенствования нормативно-правовой основы российской системы предупреждения преступности и правоприменительной деятельности.

В целом весьма высоко оценивая фундаментальное исследование А.Л. Гуринской, поддерживая его пафос, базис и методологическую основательность, а также полностью разделяя теоретическую концепцию автора, замечу, что оно, как и всякая крупная научно-исследовательская работа, не свободно от некоторых недочетов, неточностей и иных замечаний, которые могут стать основанием для дискуссии. Среди них можно выделить замечания общего характера, к числу которых относятся следующие:

1. Мне кажется, что с учетом многих различий в характере и смене парадигм развития уголовной политики в т. ч., ее стратегических и концептуальных элементов в законодательстве и правоприменительной практике в Великобритании и США, автору следовало бы дать объяснение

исходного объединения британской и американской модели в единую базовую модель предупреждения преступности.

Правомерность такого решения здесь не оспаривается, но при этом в баланс размышлений не может не входить ряд следующих контраргументов: а). в отличие от США, в Великобритании отсутствует единая правовая система и действуют несколько автономных правовых и судебных систем; б). здесь нет кодифицированного законодательства - оно базируется на системе нормативных актов комплексного характера, в которых содержатся нормы, имеющие различную правовую природу; в). не посягая на реальности действия системы англо-американского уголовного права, все же напомним, законодательное определение преступления в Великобритании отсутствует (вместо него используется доктринальное определение), а в США такие законодательные определения имеются, хотя их формула и суть в Примерном уголовном кодексе США и в кодексах различных штатов, не соответствуют друг другу; г). судебная практика и деятельность полиции имеют свои существенные особенности; в целом эти направления реализации уголовной политики Великобритании мне представляются более гибкими и адекватными; здесь, в частности, шире реализуются различные программы по вовлечению населения в профилактическую работу д). в судебной практике наряду с ужесточением наказания сохраняются возможности индивидуализации наказания с помощью отсрочки исполнения наказания и других мер; е). уровень доверия к полиции здесь значительно выше и неслучайно до теракта в лондонском метро британские полицейские в течение века обходились без оружия; ж). здесь действуют несколько разных систем статистического учета и регистрации преступлений, практически несопоставимых со статистикой в США; з). в отличие от США, сохраняется принцип централизации руководства полицией; в формировании и формулировании уголовной политики и в ее проведении большую роль играет МВД страны, которое своими ведомственными актами вносит существенные коррективы в практику реализации мер, принятых парламентом. Понятно, что политика предупреждения преступности в обеих странах опирается на теоретические подходы, разработанные в рамках англо-американской криминологической школы, но, во-первых, как справедливо отмечает сам автор, эта школа не является однородной и представляет обширный конгломерат исследовательских парадигм, дающих разное объяснение причин преступности (стр.17), а, во-вторых, сами британские криминологи признают, что абсолютное большинство научных течений, концепций и технологических новаций в сфере предупреждения

преступности, имеет американские корни. Наконец, и сам автор указывает, что рецепientом американских подходов к предупреждению преступности являются Великобритания и другие страны. Поэтому для объяснения единства указанной модели желательна более развернутая аргументация.

2. Автор справедливо указывает на растущие потребности сравнительных криминологических исследований, научную и практическую значимость анализа и использования позитивного опыта контроля за преступностью, накопленного в США и Великобритании. Однако, проработке конкретных направлений и наиболее перспективных форм внедрения этого опыта в российское законодательство и особенно в правоприменительную практику следовало бы уделить большее внимание, теснее увязывая такого рода перспективы и рекомендации с особенностями современного состояния практики противодействия преступности в России, ее правоохранительной системы, и, главное, с экономическими, политическими, социально-психологическими и иными факторами, детерминирующими развитие преступности, которые ныне не только не блокируются, но к сожалению, продолжают углубляться и множиться.

3. Говоря о ситуационном предупреждении преступности, автор вполне обоснованно обращает внимание на его моральные и нравственные аспекты (п.п.9 и 12 Положений, выносимых на защиту), на опасные тенденции в ограничении прав человека в связи с развитием и использованием для обеспечения общественной безопасности биометрии, видеонаблюдения, Больших Данных, искусственного интеллекта и других технологических достижений (стр. 13 и др.). Между тем в последние годы в решениях ЕСПЧ, например, неоднократно формулировались правовые позиции о вынужденной допустимости таких ограничений в условиях повышенных криминальных рисков. Об этом же говорится и в ряде нормативных документов, принятых в США. Вероятно, следует взглянуть на эту ситуацию обстоятельнее, оценивая её в более широком политическом и социальном контексте. Кроме того, желательным было бы объяснение того, как описываемая автором модель и ее основные содержательные компоненты и характеристики соотносится со стандартами и нормами ООН, в том числе, зафиксированными в резолюциях и других документах последних Конгрессов ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (2005, 2010 и 2015 гг.).

4. В столь фундаментальной работе, следовало бы, на наш взгляд, уделить больше внимание практическим аспектам проблематики противодействия преступности будущего, связанной с использованием новейших технологий,

ибо ущерб от нее сегодня во много раз превышает потери от традиционной преступности. Это особенно актуально для отечественной практики противодействия «новой» преступности. По мнению автора, возможности повышения достоверности прогнозов преступного поведения развиваются так активно, что «будущее может наступить раньше, чем мы его ожидаем». Между тем это «будущее» уже наступило (в США уже пять лет для указанных целей используется технология искусственного интеллекта), оно настойчиво стучится в двери правоохранительных систем разных стран и было бы желательно показать существенно разный уровень готовности этих систем (полиции, спецслужб и т.д.) к изменениям характера, масштабов и последствий преступности. Здесь следует обратить внимание и на новейшие концепции и стратегии, принятые последние годы в США и Великобритании. В этой связи следовало бы обратить большее внимание и на футуристику мировой криминологии, особенно на перспективы развития отечественной криминологии, где все более ощутимы смена поколений исследователей, методологические расхождения и терминологические блуждания, недостатки в подготовке юридических кадров, а, главное, отсутствие востребованности криминологии властью; в силу которого законотворческий процесс обходится без необходимой определенности в уголовно-правовой политике, а большинство уголовно-правовых новаций принимается без проведения криминологической экспертизы законопроектов.

Наряду с этим можно указать и на ряд замечаний **частного характера**:

1. В п.п. 4, 5 и 6 Положений, выносимых на защиту (стр.11), была бы желательной более четкая формулировка сути основных различий англо-американской модели и соответствующих криминологических концепций предупреждения преступности от российской доктрины профилактики преступности и основных направлений ее реализации, тем более что и в общественном дискурсе (о целях наказания, например), и в государственной риторике в этих странах и в России, похоже, больше общего, чем различий.
2. В п.7 Положений, где говорится о феномене «массового тюремного заключения» справедливо отмечается, что его рост происходит на фоне одновременного резкого снижения показателей преступности. Здесь же приводится по сути верная, но, может, не совсем удачно сформулированная оговорка – «Вместе с тем отсутствуют однозначные основания утверждать, что снижение криминальной активности обусловлено снижением числа осужденных» (стр. 12). Здесь важно обратить внимание, во-первых, на то, что похожая картина наблюдается и в России с той разницей, что на фоне

общего снижения показателей преступности (в силу их искусственного и занижения и «естественной» латентности) в реальной действительности налицо ее общий рост, а численность осужденных стабилизируется или даже сокращается. На мой взгляд, в США, да и в других странах ситуация в значительной мере обусловлена одновременным действием нескольких факторов – с одной стороны, на фоне общего снижения показателей преступности заметно растет подогреваемый СМИ ригоризм общественного сознания, так или иначе связанный с расширением сферы криминализации; с другой стороны, при общем снижении числа осужденных среди них, особенно среди тех, кто находится под контролем служб пробации и надзора, все заметнее растет доля рецидивистов. Что же касается ситуации в Великобритании, то здесь в силу упоминавшихся особенностей практики учета и регистрации преступлений вполне допустимы, на мой взгляд, определенные искажения, существенная неполнота и нестыковка данных о преступности, судимости и численности осужденных, не позволяющие судить о той или иной степени корреляции названных процессов (в стат-отчетах, публикуемых в Home Office Bulletin, содержатся лишь трудно сопоставимые полугодовые показатели, иначе фиксируются показатели покушений на преступления и т. д.)

3. Мне кажется, что при всей глубине и обстоятельности анализа тех или иных компонентов модели предупреждения преступности и процессов, происходящих в рамках ее реализации, автор иногда рассматривает их не в динамике, а в статичном состоянии. Например, говоря об активизации исследований и законодательных новелл, связанных с концепцией страха перед преступностью, следует иметь в виду, что с начала 1980х годов и до конца 1990х они были инициированы мощным всплеском международного движения в защиту жертв преступлений в самих США и в ряде других стран (Нидерландах, Австралии, Канаде). Именно на этот период приходится пик активности NOVA (National Organization for Victim Assistance) и всплеска научных публикаций по этой проблематике, но уже с начала 2000х гг. эта активность все больше стала составлять ретроспективу явления и, как верно показывает автор, все очевиднее превращалась в прикрытие политики и практики расширения превентивных принудительных мер. В то же время автор не увязывает те или иные изменения в направленности уголовной политики с этапной сменой исполнительной власти и существенно различными представлениями на вершине руководства страны об основных идеях, задачах и направлениях реализации уголовной политики. Такая смена курсов в Великобритании существенно отличала политику кабинета

министров при М. Тэтчер и Т. Блэр, а в США она проявлялась не только на федеральном уровне, но и на уровне руководства исполнительной власти в крупнейших мегаполисах страны (так было в Лос-Анджелесе, так было и в Нью-Йорке - при смене мэров Р. Джулиани и М. Блумберга). Смена такого рода личных представлений и их влияния на изменение уголовной политики особенно заметна с середины 1990х и начала 2000х гг.- от Р.Рейгана до Б.Клинтона и Р.Буша, а затем от Б.Обамы до Д.Трампа, когда изменения парадигмы формирования уголовной политики и корректирование управления процессами, протекающими в ее рамках, влияли на все сферы правового регулирования, правоприменительную практику, общее состояние режима правопорядка и безопасности. Вероятно, именно так стоит оценивать и тот факт, что в последние 30 лет в результате последовательного и все более ощутимого снижения числа приведенных в исполнение смертных приговоров (с 98 до 20 в 2018 г.) США ныне балансируют между сохранением и отменой смертной казни. Вопрос в том, как увязать эту тенденцию с расширением практики принудительных превентивных мер, как увязать изменения тех или иных стратегий политики превенции с разным уровнем доверия к судебной системе и особенно к полиции, реализующим эту политику. В этом плане показательна начатая в 2017 г. Д. Трампом кардинальная реформа правоохранительных институтов, в т.ч., создание федеральной «Целевой группы по предупреждению преступности и охране общественной безопасности для поддержки полиции и сокращения насильственной преступности», радикально меняющей стратегию развития американской полиции. Отметим, что это единственная реформа Д.Трампа, которая всемерно поддерживается и республиканцами, и демократическим большинством Конгресса США.

4. В разделе, посвященном страху как одной из основ англо-американской модели предупреждения преступности, автор предельно четко отмечает, что символическая фигура жертвы преступления стала «иконой превентивной политики». С ней связано, в частности, принятие печально известного закона «о трех ударах», принятого в 1994 г. в Калифорнии. В этой связи уточним, что аналогичные законы вскоре были приняты и в 26 других штатах и даже в соответствующем федеральном акте, но они нигде не применялись столь широко, как в Калифорнии, где, несмотря на массовые протесты, даже за самые мелкие повторные правонарушения тысячи осужденных вновь направлялись в места лишения свободы (типичным поводом к такому исходу могли быть кража пачки витаминов из магазина или видеокассеты из открытого автомобиля). Что касается практики персонификации подобных

законов, то заметим, что верно отмеченная автором тенденция не обошла стороной и российское законотворчество (можно, например, упомянуть так называемый «закон Димы Яковлева» и ряд других законодательных актов).

Указанные и другие недочеты и замечания, неизбежные в любой столь масштабной работе, никак не затрагивают сути авторской концепции и не снижают весьма высокого качества, практической и научной значимости диссертации; они носят, несомненно, дискуссионный, отчасти вкусовой и при этом лишь рекомендательный характер и вызваны лишь повышенным интересом рецензента к столь глубокому и содержательному исследованию комплекса сложнейших и актуальных проблем уголовного права, уголовной политики, современной зарубежной и отечественной криминологии. К тому же, разноплановые достоинства этого исследования, несомненно, и весьма значительно перевешивают те недочеты и мизерабильные упущения, которые сопровождают любую крупную творческую работу по крайне сложной, недостаточно разработанной и актуальной теме.

На основании изучения текста диссертации, автореферата и публикаций соискателя можно сделать **следующие заключения:**

1. Диссертация А.Л. Гуринской представляет собой самостоятельное исследование, обладающее внутренним единством и содержащее новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, что свидетельствует о личном вкладе автора в правовую и криминологическую науку; работа не содержит некорректных заимствований из других источников информации (п.п. 10,14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года №842 –в редакции от 01.10. 2018 г.)
2. Научные труды А. Л. Гуринской, в том числе, две фундаментальные монографии, 18 статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки, 6 статей на англ. языке в изданиях, включенных в международную базу данных (Web of Science, Scopus), а также 45 статей в иных изданиях - в полной мере отражают основные положения её диссертации (п.п. 11,13 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года №842 –в ред. от 01.10 2018 г.).
3. Диссертация А. Л. Гуринской представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании проведенных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно

квалифицировать как решение крупной и актуальной научной проблемы, имеющей важное значение для уголовно-правовой и криминологической науки, а также для совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Диссертация соответствует критериям, установленным ч.1 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года №842 – в ред. от 1 октября 2018 г.)

4. Автор диссертации – Гуринская Анна Леонидовна – заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки)

1 марта 2019 года

Квашис Виталий Ефимович

главный научный сотрудник ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук (специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; юридические науки), профессор, заслуженный деятель науки РФ

Москва, 121069, Поварская ул., 25; тел.: +7(495)691-3574; «kvashis@mail.ru»

